

ликации в «Сыне Отечества» в феврале—марте 1820 г., когда Пушкин был еще в Петербурге); скорее всего, именно ради вкрапленных в нее подлинных фольклорных текстов он и просит брата прислать ему в числе прочих книг отдельное ее издание: «Друг мой, попроси И. В. Слѣнина, чтоб он <...> прислал мне <...> Цертелева древние стихотворения» (XIII, 51). Книги были получены в конце января 1823 г. В письме от 1—10 января Пушкин напоминает брату: «...похлопочи о книгах» (XIII, 54), а 30 января пишет ему, «окруженный деньгами, афишками, стихами, прозой, журналами, письмами...» (XIII, 55—56). Книга Цертелева сохранилась в пушкинской библиотеке.²⁴ По-видимому, к началу 1823 г. и относится стихотворный фрагмент «В твою светлицу, друг мой нежный», источник которого известная народная песня, процитированная в «повести» Цертелева.

О непосредственном знакомстве Пушкина с этой песней в южный период его творчества можно говорить лишь предположительно. Известно, что специальный, осознанный интерес к народному творчеству, его собиранию и научному изучению возник у поэта позже — в период михайловской ссылки. Возможно, и сборник Чулкова, и «песенники», изданные в конце XVIII—10-х гг. XIX в., появились в его библиотеке тогда, когда он, по словам Н. М. Языкова, занялся систематизацией «всех донные напечатанных русских песен».²⁵ В 30-х гг. он мог слышать песню, некогда прочитанную у Цертелева, и непосредственно из уст болдинских крестьян.²⁶

А. С. Лобанова

ДВЕ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

1. О датировке наброска «Толпа глухая...»

Незавершенный стихотворный набросок «Толпа глухая...» традиционно датируется 1833 г. Такая датировка была предложена при первой его публикации в 1907 г.¹ и с тех пор не пересматривалась.² Основания для этой датировки таковы: автограф наброска записан на чистом листе рабочей тетради ПД 831 (л. 59). В верхней же части листа непосредственно перед текстом наброска имеется пометка, которая воспроизведена в Полном академическом собрании сочинений Пушкина так: «9 дек. 1833 С. П. 6. 7¹ / 2 веч.» (III, 1063).

²⁴ Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. № 416.

²⁵ Исторический вестник. 1883. № 12. С. 533—534.

²⁶ Песни и сказки пушкинских мест: Фольклор Горьковской области. Л., 1979. Вып. 1. № 63 (записана в д. Сумароково Больше-Болдинского р-на).

¹ Неизданные стихи А. С. Пушкина / Публ. и коммент. В. Я. Брюсова // Весы. 1907, январь. С. 5, 78.

² В собрания сочинений Пушкина набросок включается начиная с Полн. собр. соч. В 3 т. / Ред., вступ. ст. и коммент. В. Я. Брюсова. М., 1919. Т. I. С. 362. В Полном академическом собр. соч. набросок помещен под 1833 г. с пояснением в комментарии Н. В. Измайлова: «Датируется согласно помете в автографе...» (III, 1290).

Пометка сделана рукою Пушкина тем же пером, тем же почерком и теми же чернилами, что и автограф наброска, и потому использование ее в качестве ориентира для датировки наброска сомнений не вызывает.

Сомнения вызывает правильность прочтения самой пометки.

При обращении к автографу видно, что слова «9 дек.» и «7¹ / 2 веч.» написаны крупным почерком, разборчиво и четко. Сокращение, расшифрованное как «С. П. б.» (т. е. «Санкт-Петербург»), не более чем догадка: первая буква представляет собой слегка наклоненную вертикальную прямую линию, более всего похожую на единицу или скобку и лишь очень приблизительно напоминающую заглавное «С». Вторая буква представляет собой вполне разборчиво написанное строчное «я» и никак не может быть истолкована как «п». Наконец, третья — опять-таки разборчиво «б» или «в». После каждой из названных букв (или цифр?) следует хорошо различимая точка, указывающая на то, что мы имеем дело с каким-то сокращением. У Пушкина это не редкость: вспомним его аббревиатурную запись: «Усл. о с. 25 VII. о с. Р. П. М. К. Б. 24» (Услышал о Сибири 25-го июля 1826 г. Услышал о смерти Рылеева, Пестеля, Муравьева-Апостола, Каховского, Бестужева-Рюмина 24 июля 1826 г.).³

Более всего неясностей с записью года.

Первоначально Пушкин написал крупными, ясно различимыми цифрами: «1832». Затем энергично зачеркнул две последние цифры и надписал над ними то ли «23», то ли «33». Вторая в этой группе цифра «3» написана разборчиво: что же касается первой, то она написана крайне неразборчивой скорописью, причем в различных своих признаках более походит на «2», чем на «3».

Признаки эти таковы: а) начертание цифры начато с точки, характерной для написания Пушкиным цифры «2» вообще и *точно такой же*, как в разборчиво написанной цифре «2» в зачеркнутой группе «32», в частности; б) верхняя линия округлого изгиба также характерна для пушкинского написания цифры «2»; в) первая цифра в рассматриваемой группе надписанных цифр явно не похожа на следующую за ней хорошо различимую цифру «3».

Таким образом, графологические наблюдения подсказывают прочтение исправленной даты как «1823».

К той же датировке подводит и обращение к тексту наброска.

Тетрадь ПД 831 заполнялась в 1821 — начале 1822 г. Как и в других тетрадях, Пушкин оставлял отдельные листы незаполненными, имея в виду последующие доработки и замечания. В тетради ПД 831 эти пропущенные места заполнялись в основном в 1822—1823 гг. На одном из таких листов и записан набросок «Толпа глухая...».

На связь наброска с другими записями в тетради обратил внимание Б. В. Томашевский. В кратком комментарии к наброску в «малом» Академическом собрании сочинений Пушкина он замечает: «...набросок написан при просмотре старой записной тетради 1822 г...».⁴

³ Прочтение аббревиатурной записи см.: Цявловская Т. Г. Отклики на судьбы декабристов в творчестве Пушкина // Литературное наследие декабристов. Л., 1975. С. 199—201.

⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10 т. 4-е изд. Л., 1977. Т. 3. С. 463. Датировку наброска, предложенную В. Я. Брюсовым и принятую в «большом» Академическом издании Пушкина Н. В. Измайловым, Б. В. Томашевский не пересматривал. Указанная им в комментарии дата «9 августа 1833 г.» (вместо «декабря») — явная опечатка или ошибка: «дек.» прочитывается в автографе совершенно уверенно.

Действительно, наброску «Толпа глухая...» непосредственно предшествует черновой автограф стихотворения 1822 г. «(В. Ф. Раевскому)» («Ты прав, мой друг...»), где, между прочим, имеется такая строфа (она записана на л. 58):

Я говорил пред хладною толпой
Языком Истины [свободной],
Но для толпы ничтожной и глухой
Смешон глас сердца благородный.

(II, 266)

Связь ее с наброском, записанным на следующем (оставшемся какое-то время незаполненным) л. 59, очевидна. Содержащаяся в строфе оценка толпы («хладная», «ничтожная», «глухая») становится отправным мотивом наброска («Толпа глухая, крылатой новизны любовница слепая»), причем не только на семантическом, но и на фразеологическом уровне!

В стихотворении «(В. Ф. Раевскому)» впервые звучит мотив разочарования в просветительских идеалах, который станет доминирующим умонастроением в ряде произведений 1823 г. Мир, в котором лирический герой видел «и свет и жизнь и дружбу и любовь» (II, 265), представляется ему теперь «безобразным призраком».

Ужели он казался прежде мне
Столь величавым и прекрасным?

Что ж видел в нем безумец молодой,
Чего искал, к чему стремился,
Кого ж, кого возвышенной (душой)
Боготворить не постыдился!

(II, 266)

Приведенные стихи составили несколько месяцев спустя основу стихотворения «Мое беспечное незнание...»,⁵ причем и в данном случае имеют место не только общность умонастроения, но и почти полное текстуальное совпадение:

Ужели он казался мне
Столь величавым и прекрасным?
Чего, мечтатель молодой,
Ты в нем искал, к чему стремился,
Кого восторженной душой
Боготворить не устыдился?

(II, 293)

Дальнейшее развитие та же тема и то же умонастроение получили в стихотворениях «Свободы сеятель пустынный» и «Демон», причем в первом из них заключительная строфа (шесть стихов) текстуально (с незначительными разночтениями) совпадает с шестью заключительными стихами стихотворения «Мое беспечное незнание...».

⁵ Б. В. Томашевский считает отрывок «Мое беспечное незнание...» частью незавершенного стихотворения, начинающегося отрывком «Бывало, в сладком ослепенье». См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10 т. Л., 1977. Т. 2. С. 143.

Таким образом, набросок «Толпа глухая...» оказывается включенным в цикл стихотворений, связанных между собой и умонастроением, и весьма своеобразной «порождающей моделью», в соответствии с которой мотивы одного стихотворения не только находят развитие в другом, но получают при этом *одинаковое словесное выражение*. Поскольку и мотивы разочарования в идеалах Просвещения, и принципы «порождающей модели» характерны для творчества Пушкина именно в 1822—1823 гг., естественно предположить, что и набросок «Толпа глухая...» относится к 1823 г., а не к 1833 г., когда ни того, ни другого в творчестве Пушкина не прослеживается.

Набросок «Толпа глухая...» связан и с другой темой, волновавшей Пушкина в годы южной ссылки, — с темой низвержения кумиров.

Толпа глухая,

[Надменных] [баловней] меня[ет] каждый день,
И с ступени на ступень
Летят кумиры их, увенчанные ею.

(III, 469)

В стихотворении 1821 г. «Наполеон», черновой автограф которого содействует с наброском «Толпа глухая...» (л. 62 об.—65 об.), уже начата разработка этой темы: толпа «каждый день» меняет своих «баловней», низвергая их кумиры. Французская революция низвергла Людовика XVI («И галл десницей разъяренной / Низвергнул ветхий свой кумир», — II, 214), а затем наступила очередь и «баловня побед» — «надменного» Наполеона... Переключка мотивов и, что опять-таки характерно, фразеологии («Надменный», «баловень», «кумир») здесь очевидна.

Если же отвлечься от листов тетради ПД 831, то выясняется следующее.

1 декабря 1823 г. Пушкин посылает А. И. Тургеневу стихотворение «Свободы сеятель пустынный», написанное в ноябре того же года.

8 декабря 1823 г. Пушкин завершает работу над 2-й главой «Евгения Онегина» (следующую, 3-ю, он начнет через два месяца) и тотчас же начинает стихотворение «Недвижный страж дремал на царственном пороге», развивающее наполеоновскую тему.

9 декабря, как мы считаем 1823 г., Пушкин вчерне набрасывает начало стихотворения «Толпа глухая...», в котором пересекаются обе занимавшие его в то время темы — тема «глухой толпы» и тема «низвержения кумиров», связанная в его сознании с судьбой Наполеона.

Набросок стихотворения так и остался незавершенным.⁶

2. «Как узник, Байроном воспетый...»

Записанные в тетради ПД 835, на л. 9 два стиха:

Как узник, Байроном воспетый,
Вдохнул, оставя мрак тюрьмы,
(II, 472)

справедливо комментируются как реминисценция заключительных стихов поэмы Байрона «Шильонский узник»:

⁶ О тексте этого наброска см. также: А р и н ш т е й н Л. М. Незавершенные стихотворения Пушкина (текстологические проблемы) // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1989. Т. 13. С. 301—304.